

ВОЙНЫ ЗА МЕНТАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сидоренко Ирина Николаевна

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии культуры,
Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье анализируется специфика и природа современной войны как консциентальной, направленной на захват и трансформацию сознания за счет перекодирования ценностной системы координат, исторической памяти и паттернов поведения. Раскрывается связь консциентальной войны с политикой идентичности. Утверждается, что идентичность становится основанием для военной мобилизации, более того, она начинает рассматриваться как единственное средство для оправдания войны. Анализируются возможные механизмы противостояния консциентальному оружию. Автор делает вывод о том, что реализация этих механизмов возможна при условии развития критического мышления и способности воображения; а также отсутствия конфликта между санкционированной в рамках культурной традиции идентичностью и самоидентификационным образом человека.

Ключевые слова: консциентальная война; национальная идентичность; ментальность; политика идентичности; сознание; историческая память.

WARS FOR MENTALITY IN THE MODERN WORLD

Sidorenko Irina Nikolaevna

Doctor of science (Philosophy), Assistant Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture. Belarusian State University

Abstract. The author of this article analyzes the specifics and nature of modern war as a conscientious war aimed at capturing and transforming consciousness by recoding the value system of coordinates, historical memory and patterns of behavior. It is argued that identity becomes the basis for military mobilization; indeed, it begins to be seen as the only means to justify war. The connection between the conscientious warfare and identity politics is asserted. Possible mechanisms of countering the consciential weapon are analyzed. The author of this article concludes that the realization of these mechanisms is possible under the condition of the development of critical thinking and imagination; as well as the absence of conflict between culturally sanctioned identity and self-identified image of a person.

Keywords: consciential war; national identity; mentality; identity politics; consciousness; historical memory.

Происходящие социально-политические изменения в международной политической сфере в начале XXI в. приводят к трансформации войны, которая из средства политики превращается в саму политику, из ограниченных военных конфликтов – в «войну всех против всех». Целесообразно отметить характерную черту нового политического порядка: война порождает новый мировой порядок, стремящийся управлять миром не посредством прямого насилия, как это делалось в эпоху модернити, а посредством страха, вызываемого угрозой насилия. Одновременно, для поддержания этого невротического состояния необходима демонстрация реальности этой угрозы в определенной точке земного шара.

Получается, что без воздействия на сознание, такое тотальное запугивание просто невозможно. Следовательно, современные войны ведутся не только на поле боя, но и в информационном пространстве, активно используя воздействия на ментальность целых сообществ. Вместе с тем, сознание человека рассматривается как новое поле боя, а победа предполагает не только захват территории и ресурсов, но и трансформацию идентичности, переформатирование памяти о прошлом, изменение в ценностной системе координат и, соответственно, принятие иных норм социального действия. Исходя из этого, полагаем правомерным утверждать, что цели современной войны уже не являются политическими в традиционном смысле, они связаны с «политикой идентичности» в большей степени, чем с идеологически или геополитически детерминированным «национальным интересом». В современном обществе (полагаем возможным определить его как постмодерное общество) происходит распадение прежних прочных форм социальной идентичности – класса и нации – и переход к более гибким и открытым формам. Деконвенционализация социальных практик обуславливает расширение социального пространства для творческого конструирования идентичности. Освобожденная от уз общественной функциональности, социальная идентичность приобретает свободный игровой характер театральной самопрезентации личности, становится индивидуализированной и неустойчивой. Таким образом, современная война во многом стала возможна благодаря легитимации игры в идентичности, так как предполагает гибридность самоидентификации.

С другой стороны, «политика идентичности» допускает диктат идентичности. Как справедливо отмечает британский исследователь М. Калдор (Mary Kaldor), в «политике идентичности» «речь идет о притязании на власть на основе присвоения ярлыков, ..., и она напрямую

связана с идеализированным ностальгическим представлением о прошлом» (1, р. 40). Именно ностальгия и память о прошлом становятся новым источником политической легитимности, однако в отличие от политических идей, выступающих основанием для объединения, «политика идентичности» напротив, работает по принципу исключения и, тем самым, способствует фрагментаризации социального пространства. Уже не важно – с кем ты или за кого, важно только – против кого. Так, идентичность становится основанием для военной мобилизации, более того, она начинает рассматриваться как единственное средство для оправдания войны [2, с. 144–145].

Современную войну правомерно определить как консциентальную, т. е. войну за разум и его трансформацию. Такой тип войны постепенно оформляется к началу XX в.; подтверждение этому обнаруживаем уже во время Первой мировой войны, когда военная пропаганда была нацелена на искаженное восприятие реальности. Мощь и силу консциентальная война набирает во времена Холодной войны, подменяя собой реальные боевые действия в условиях противостояния двух блоков ядерных сверхдержав. Ее целью стало создание ментальной конфронтации в ситуации невозможности «горячей» войны. Что касается войн начала XXI в., то определяя их как консциентальные, целесообразно отметить одну существенную деталь: консциентальная война – это несамостоятельный вид войны, а ее подложка, базовая составляющая и одна из характеристик ее трансформирующейся природы. Современная война не может быть реализована только на поле боя, все ее операции либо предваряются, либо сопровождаются информационным фоном, нацеленным на захват умов и сердец страны-противника.

Термин «консциентальная война» (от лат. conscientia – «сознание») был предложен российскими исследователями Ю.В. Громыко [3] и Ю.В. Крупновым [4]. Главной особенностью этого нового типа войны является ее парадоксальность: «горячий» военный конфликт достаточно низкой интенсивности, предполагающий ограниченную территорию, на которой ведутся военные действия, и тотальность, неограниченность военного насилия внутри социальных систем, втянутых прямо или косвенно в этот конфликт посредством информационных атак на сознание. При этом война не просто отражается на экране телевизора или в оптике социальных сетей, но ее информационное осуществление в СМИ и в сознании людей воздействует на реальные военные события, разжигая их посредством накала страстей и огня ненависти, не только опережая военные горячие

операции, а, по большому счету, их стратегически определяя, ломая конвенции, международные договоренности. Исходя из этого получается, что скрытой целью консциентальной войны является расширение территории войны не только в информационном, но и физическом пространствах за счет выведения «горячей» войны за четко определенные границы фронта и увеличения географии воюющих государств. Вместе с этим, консциентальная война нуждается в постоянной подпитке, захватывая не только сознание новых социальных групп, но и территорий, подчинение которых происходит не напрямую, а за счет переориентировки граждан одного государства на сетевые информационные структуры другого государства, смены их аксиологической ориентации.

Вариативность консциентальной войны отражается в семантическом пересечении определений современной войны. Так, например, консциентальная война предполагает не только захват, но и трансформацию сознания (герменевтическая война), осуществляется в сетевом пространстве, а также в пространстве знания (сетевая война) посредством СМИ, интернета (информационная война), что превращает ее в «мягкую силу». Помимо этого, в консциентальной войне возможно увидеть новую форму колониальной войны в постколониальную эпоху за идентичность, за культурную среду посредством трансформации ценностей, паттернов поведения и стереотипов. Справедливо также определение современной войны как «археологической», ведущейся за историческую память посредством переписывания прошлого. Консциентальная война обладает специфической иллюзией героизма – иллюзией свободной мысли, суть которой заключается в том, что разрешены любые формы мысли и высказывания, но при этом жестко контролируются формы сознания, самосознания, т. е. механизмы создания высказываний. Поэтому получается, что на деле свобода мысли и высказывания ограничивается как внешней, так и внутренней цензурой.

Отметим основные направления действия и, соответственно, риски и вызовы современной, консциентальной войны: 1) иллюзия «расширение» сознания за счет СМИ и информационных технологий, что приводит к «информационному передозу», 2) иллюзия гражданского согласия и солидарности, сфабрикованность консенсуса в обществе, 3) превалирование коллективной мифологии, 4) задействование механизмов «массовизации» сознания, 5) мнимая рационализация риторики, направленная на невротизацию и подпитку страха, 6) манипулирование идеологическими образцами, трансформирующими историческую память.

Еще одной особенностью консциентальной войны является ее размытость во времени: достаточно трудно определить ее начало, и, соответственно, весьма проблематично зафиксировать ее конец. В силу этого, возникает вопрос не столько о том, как закончить эту войну, сколько вопрос о том, как противостоять ее агрессии на сознание. Обратившись к работам Ю.В. Громыко, отметим два предложенных им механизма защиты: 1) аутентизация, суть которой заключается в том, чтобы сформировать посредством культурной традиции жесткое ядро идентификации, что позволило бы остановить наблюдаемый сегодня практически бесконечный процесс произвольной самоидентификации; 2) развитие «метаэкранных» технологий, позволяющих выявлять множественность репрезентаций события и осуществлять его «очистку» от его различных экранных образов, или другими словами, раскрывать, понимать, что наблюдаемое событие не есть само по себе, а представляет собой результат конструирования [3].

Вместе с тем, целесообразно отметить, что эффективная реализация этих двух механизмов возможна при условии развития критического мышления и способности воображения; а также отсутствия конфликта между санкционированной в рамках культурной традиции идентичностью и самоидентификационным образом человека, что, в принципе, достаточно проблематично в обществе, расколотом консциентальным оружием. С другой стороны, на любое действие есть противодействие, соответственно, пропаганда в рамках консциентальной войны может быть ослаблена контрпропагандой. Однозначно одно, что без изучения и понятия действия консциентального оружия, специфической логики консциентальной войны невозможно выработать способы и меры противостояния рискам и угрозам нашему сознанию.

Список литературы

1. Kaldor M. *New and Old Wars: organized violence in a global era*. Cambridge; Polity, 2012. 224 p.
2. Сидоренко И.Н. *Философия насилия: от метафоры к концепту*. Минск: БГУ, 2017. 175 с.
3. Громыко Ю. *Консциентальное оружие и консциентальная война* // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2007/782>. (дата обращения: 24.03.2017).

4. Крупнов Ю. Как Россия сможет предотвратить пятую мировую войну // Персональный сайт Ю. Крупнова. URL: <http://krounov.ru/pubs/2005/02/09/10403/#1-14>. (дата обращения: 24.03.2017).